

Более 40 лет систематически занимаясь вопросами истории геологии, В. В. Тихомиров детально проанализировал особенности развития существовавших идей и методов, по-новому обосновал принципы периодизации истории науки. Он подчеркивал, что периодизация — это не искусственный прием исследователя, а объективно существующая реальность, обусловленная неравномерным ходом развития науки. Он показал, что для определенных периодов развития знаний существуют научная идея и главенствующий исследовательский прием, которые являются критериями, ограничивающими каждый этап в истории той или иной области естествознания. В 1985 г. за заслуги в развитии геологической науки В. В. Тихомиров к 70-летию был удостоен ордена Трудового Красного Знамени, а к 40-летию Дня Победы в том же году ему вручили орден Отечественной войны 1-й степени.

В декабре 1987 г. правительственным постановлением в самом центре Москвы был организован Государственный геологический музей им. В. И. Вернадского (ГГМ), куда решением Президиума Академии наук была переведена группа историков геологии во главе с В. В. Тихомировым, с целью дальнейшего развития проблем истории геологии, а также использования ценнейших историко-научных фондов в музейном деле, экспозициях и выставках. Как и в былые годы, Владимир Владимирович строил обширные планы на будущее. В 1992 г. его избрали действительным членом Академии естественных наук Российской Федерации. Однако 1993 г. стал последним в жизни этого человека несгибаемой воли и беспредельного трудолюбия.

О плодотворной научной деятельности В. В. Тихомирова свидетельствуют около 400 опубликованных единолично или в соавторстве работ. Часть трудов издана в 18 странах. К оставленному им научному наследию будут неизбежно обращаться исследователи как на Родине, так и за рубежом, где ученый бывал в 60-х — 90-х гг. около 80 раз, участвуя в международных форумах.

Список литературы

1. Лазарев А. Мужество // Военные знания. 1955. № 1. С. 22.
2. Козырев М., Мосолов В. Человек все может // Жизнь слепых. 1957. № 5. С. 17—19.
3. Сырокомский В. Нет выше похвалы // Вечерняя Москва. 1959. 16 мая. С. 2.
4. Шелест Ю. Человек большого дела // Призыв. 1966. № 10. С. 8—11.
5. Завалишин В. В. Человек необыкновенной судьбы // Вечерний Новосибирск. 1975. 28 октября. С. 3.
6. Шишина Ю. Свет его жизни // Известия. 1975. 2 сентября. С. 4.
7. Тихомиров В. В. На Ленинградском фронте // Очерки по истории геологических знаний (Фронт и тыл: геологи Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны). М., 1990. Вып. 28. С. 170—211.
8. В. В. Меннер, А. В. Пейве, Ю. М. Пуцаровский и др. В. В. Тихомиров — инициатор исследований в области истории и методологии геологических наук (к 70-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1985. № 10. С. 116—118.
9. Соловьев Ю. Я. Начало систематических исследований в области истории геологических наук // Очерки по истории геологических знаний (Страницы истории Московской геологической школы). М., 1985. Вып. 22. С. 169—181.
10. Соловьев Ю. Я. В Комиссии по геологической изученности СССР // Сов. геология. 1959. № 3. С. 159—162.
11. Вассоевич Н. Б., Милановский Е. Е., Хаин В. Е. Уникальная сводка по региональной геологии // Вестн. АН СССР. 1980. № 8. С. 77—80.
12. Соловьев Ю. Я. Международная организация историков геологии // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1984. № 2. С. 136—140.

ДВА ПИСЬМА А. Н. КОЛМОГОРОВА 1941 г.

В июне 1991 г., когда отмечали пятидесятилетие начала Великой Отечественной войны, мне передали два письма А. Н. Колмогорова, написанные им в ноябре и декабре 1941 г. Эти письма никогда еще не были опубликованы.

Вот они:

Письмо первое

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Недавно Вера Яковлевна получила письмо, из которого видно, что Вы давно не получали писем от Глеба. Глеб последние две недели не был у нас, и мы уже начинали беспокоиться об этом. Сегодня он нашелся. Он по-прежнему работает в стройтресте, сооружающем лазареты, и здоров.

Посылаю это письмо с оказией, не видя Глеба, поэтому затрудняюсь сказать еще что-либо. Надеюсь увидеть Глеба м. б. сегодня вечером, но оказия спешная. Напишем тогда авиапочтой.

Привет Нине Васильевне. Надеемся, что Вы все целы в Москве. Спасибо, что зашли к Варваре Яковлевне.

Андрей

28 ноября 1941 г.

Письмо второе

Казань, Академическая ул. 21, кв. 2

6 декабря 1941 г.

Дорогой Коля!

Получил несколько дней тому назад твое письмо от 17 XI. Еще раньше Глеб показывал твое письмо, присланное ему Ал. Ник-чем из Москвы. Глеб здесь работает прорабом по оборудованию лазаретов. Работа соответствует его человеколюбивым идеалам, но трудная и во многих отношениях неприятная: когда слесарей не хватает или когда они запивают, то Глеба собираются судить. Устроен он неважно: нанял комнату за Волгой, но туда далеко, и он ночует чаще всего на службе, но во всяком случае, бодр и здоров. Писать Глебу следует по моему адресу (указан в начале письма).

Александр Николаевич и Нина Васильевна остаются в Москве. Письма от них были недавно, примерно от 15 ноября. Тогда у них все было благополучно. Имеются планы их переезда в Казань, но им, по-видимому, страшно куда-либо двигаться.

Ты, кажется, знаешь, что Вера Яковлевна была вывезена в Казань еще в июле. Тогда же я отправил свои вещи, включая необходимую часть библиотеки, свои и чужие научные рукописи и т. п. Потом я был в Казани по делам два раза в августе и в начале октября, в основном же до 16 октября оставался в Москве. Лекции в Университете продолжались и читались оставшимися профессорами (и воспринимались студентами), пожалуй, даже с особенным увлечением и интересом. Я читал обычный курс теории вероятностей и курс теории стрельбы, на который приходило порядочно артиллеристов из военных академий. Бомбардировки нас в Комаровке мало беспокоили, воспринимаясь лишь как интересное зрелище с балкона. Приезжало много молодежи, по воскресеньям продолжали устраиваться поездки в Образцовский пруд на лодке на трех парах весел (до воскресенья 12 октября включительно).

16 октября — день, когда в Москве была дана, отмененная потом, директива населению выходить пешком, академиков и членов-корреспондентов в спешном порядке вывезли в Горький. Оттуда мы направились пароходом в Казань. Таким образом, я тоже имел возможность воспринимать Волгу поздней осенью. Плыли сначала в звездную морозную ночь, затем в солнечное утро с великолепным заходом солнца над замерзшими песками и занесенными снегом еще зелеными лесами (в этом году снег упал на свежую почти совсем зеленую листву). К следующему вечеру пошел снег и ночью в метель мы отстаивались на якоре среди Волги.

Живем мы здесь тихо и скучно, с материальной стороны вполне благополучно. Много работаю над турбулентностью, теорией стрельбы и чистой теорией вероятностей. Университет уехал в Ашхабад, но ехать туда с Верой Яковлевной было бы затруднительно, да и Академия отпустила бы с трудом.

В момент моего отъезда Нюберги были еще в Москве. О ком-либо другом из могущих тебя интересовать лиц не знаю ничего более нового. Пиши о себе. Ал. Ник. я отправил письмо с твоим адресом, но, вероятно, он получил что-либо от тебя непосредственно.

Андрей

Комментарий к публикации

Первое письмо адресовано Александру Николаевичу Селиверстову (1875—1955), отцу Глеба (1905—1944) и Николая (1902—1941) — гимназических друзей Андрея Николаевича Колмогорова. Глеб Селиверстов был самым близким другом Андрея Николаевича в его юности (см. воспоминания о нем, написанные А. Н. Колмогоровым: УМН. 1970. 2. 36. Вып. 3. С. 244—245).

Вера Яковлевна — тетушка Андрея Николаевича, заменившая ему мать. Варвара Яковлевна — ее сестра. Нина Васильевна — жена Александра Николаевича Селиверстова, мать Глеба и Николая. Н. Д. Нюберг (упоминавшийся во втором письме) — гимназический друг Селиверстовых и Колмогорова.

Второе письмо адресовано Николаю Александровичу Селиверстову.

По этим письмам можно частично реконструировать жизнь А. Н. Колмогорова в первые месяцы Великой Отечественной войны, и в этом их особый интерес.

Образцовский пруд, расположенный недалеко от Комаровки, загородной дачи А. Н. Колмогорова и П. С. Александрова, — пруд, где на лодке, принадлежавшей отцу Сергея Васильевича Фомина, катались совсем еще молодые Александров и Урысон. Ныне он спущен.

В письме упоминается также 16 октября 1941 г. — день, навсегда оставшийся в памяти любого москвича, бывшего тогда в родном городе. О трагических событиях того дня Андрей Николаевич впоследствии много рассказывал... Хочу обратить внимание читателя на проныкиновское описание Волги. На Волге, под Ярославлем, в имении деда прошли детские годы А. Н. Колмогорова, и он навсегда сохранил сокровенную любовь к этой реке.

Письмо Николаю Александровичу Селиверстову отправлено 6 декабря 1941 г. Это тоже памятное число: в этот день началось наступление наших войск под Москвой. Но адресату письма не суждено было дожить до этого дня: он погиб под Москвой 3 декабря 1941 г. Не дожидаясь Победы, до конца войны и брат Николая — Глеб Александрович Селиверстов.

Эти письма дала мне Ольга Николаевна Селиверстова — дочь Николая Александровича. Большое ей спасибо.

Публикация и комментарии В. М. Тихомирова

Е. С. ИЗМАЙЛОВА

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ АНТРОПОГЕННОМ ФАКТОРЕ ВИРУСНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Вирусы как особый класс инфекционных агентов были открыты в конце XIX в. (см.: [1—3]). Однако вызываемые ими заболевания были известны людям с древнейших времен. В различных исторических источниках можно найти подробные описания клинической картины многих вирусных болезней, которые позволяют довольно точно определить нозологическую форму инфекции. Так, полиомиелит был известен еще в Древнем Египте (см.: [4]). Натуральная оспа, по-видимому, существовала в Древнем Китае и Индии (см.: [5]). Четкое описание клиники бешенства, гриппа и желтой лихорадки можно найти в XV, XVI, XVII вв. соответственно (см.: [6—8]). Эти факты легли в основу традиции в историографии вирусологии, согласно которой развитие наших знаний о взаимоотношениях человеческого сообщества и вирусных заболеваний шло по пути констатации приобретения новых инфекций (см.: [9]). Первыми крупными успехами медицины были ознаменованы 90-е гг. XVIII в., когда английскому врачу Эдуарду Дженнеру удалось разработать способ вакцинации против натуральной оспы (см.: [10]). Спустя лишь столетие после серии неудачных попыток практика вакцинации была продолжена Луи Пастером (см.: [11]). В XX в. были получены вакцины против ряда других вирусных заболеваний (см.: [12, 13]). На базе этих данных сформировалась другая традиция, описывающая развитие представлений об антропогенном факторе эволюции вирусных заболеваний как историю успехов медицины в борьбе с вирусами (см.: [14, 15]). Целью настоящего исследования является комплексный анализ проблемы в ее динамике на протяжении XX в.

Интересно, что, несмотря на невозможность идентификации вирусов стандартными методами микробиологии, большинство исследователей вплоть до конца 30-х гг. считали их очень мелкими бактериями и не могли выйти за рамки устоявшейся парадигмы микробиологии. Ее суть состояла в том, что у каждой инфекционной болезни есть свой специфический возбудитель — микроб, который не может зарождаться *de novo* (см.: [16]). Последний постулат стал отправной точкой для развития представлений о взаимоотношениях человеческого сообщества и инфекционных болезней. Отрицание самозарождения микробов неизбежно ставило вопрос об источнике возникновения и путях распространения инфекционных заболеваний.

Впервые проблема взаимоотношений человечества и инфекционных заболеваний была затронута Шарлем Николлем, основателем и бессменным, в течение 33 лет, директором Пастеровского института в Тунисе. Он, как и его предшественники, не выделял вирусы из мира микробов. Тем не менее, развивая представления Пастера о микробе как живом целостном организме, Николль сделал важный вывод, что любая инфекционная болезнь, а следовательно, и ее возбудитель, изменяются со временем, т. е. эволюционируют. Проанализировав многочисленные исторические факты возникновения и распространения эпидемий, Николль пришел к выводу, что основным стимулом распространения инфекционных болезней является развитие цивилизации. В концепции Николля соединились его блестящие знания в области эпидемиологии (за открытие способа передачи сыпного тифа он был удостоен в 1928 г. Нобелевской премии) и его пацифистские убеждения. В развитии цивилизации он видел не только научный и технический прогресс, но и многочисленные войны, массовые вынужденные переселения людей, разрастание городских трущоб с их антисанитарией и исключительно благоприятными условиями для распространения заразных болезней (см.: [17]). Такая точка зрения была большим шагом вперед, так как переносила рассмотрение причин возникновения эпидемий в реальную историческую плоскость, что наносило удар по креационистскому подходу к проблеме. Поскольку Николль сосредоточил свое внимание на частных вопросах возникновения отдельных инфекций, ему не удалось создать целостной картины эволюции заразных болезней. Тем не менее, его по праву можно считать основоположником изучения эволюции инфекций.

Следующим важным шагом в данной области стала книга «Вирус как организм» известного вирусолога Мэкфалэйна Бернета, директора института медицинских исследований